

Луи-Фердинанд Селин

Луи-Фердинанд Селин

СМЕРТЬ В КРЕДИТ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
С29

Louis-Ferdinand Celine
MORT À CRÉDIT

Печатается с разрешения Editions Gallimard

Селин, Луи-Фердинанд
С29 Смерть в кредит / Луи-Фердинанд Селин; пер. с фр. М. Климовой. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 544 с. — (Extra-text)

ISBN 978-5-17-101860-3

Луи-Фердинанд Селин (1894-1961) - самый скандальный, самый противоречивый, самый несчастный и самый талантливый французский писатель XX века. Всю жизнь он стремился вырваться из нищеты — и всю жизнь работал, как **проклятый**, за гроши. Пытался растолкать одурманенный алкоголем и одуроченный правителями народ — а в ответ получал ненависть. Указывал на истинных зачинщиков кровопролитных войн — а его клеймили как нациста и антисемита. Будучи по образованию врачом — сам серьезно болел из-за полученного на войне ранения и тягот тюремного заключения. Страстно любил Францию — а пришлось быть изгнанником в Данию. Одни возвеличивали его как **гения**, другие ниспровергали как амбициозное **ничтожество**. «Селин остается самым великим из современных французских романистов... с могучим лирическим даром», — утверждал драматург Марсель Эме. «**Отвращение** к Селину возникло у меня почти сразу... Терпеть не могу литературу, бьющую на эффект, ибо она охоча до клеветы и копания в грязи, ибо вызывает к самому низменному в человеке», — возражал нобелевский лауреат Альбер Камю.

Сам же себя Селин называл «**мандарином бесчестия**» и «**рыцарем Апокалипсиса**».

Одна из самых шокирующих его книг — «Смерть в кредит» (1936). В ней писатель, не стесняясь в выражениях, жестко и надрывно описал все уродства жизни парижского дна, которые он наблюдал в юности. Читая о воинствующем аморализме, вы всеми порами ощутите мерзость окружающей обстановки с ее **беспросветной безысходностью** и ложью. Однако роман вызывает неоднозначные эмоции. С одной стороны картины абсурда и несправедливости пробуждают чувство негодования и протеста. А с другой - вызывает удивление какое-то почти **мазохистское упоение** автора **хаосом**. Но в этом и есть весь Селин, произведения которого до сих пор вызывают яростные споры и разногласию мнений.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-101860-3

© Editions Gallimard, Paris, 1952.
© Маруся Климова, перевод.
© ООО «Издательство АСТ».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Потребовалось почти шестьдесят лет, чтобы «Смерть в кредит» была опубликована в России. Благодаря таланту и упорству переводчицы Маруси Климовой русская публика сможет наконец открыть для себя это важнейшее произведение Селина, которое единодушно считается одним из самых значительных французских романов XX века.

Чтобы лучше понять, почему между публикацией романа в Париже в мае 1936 года и выходом этого шедевра на русском языке минуло столько лет, нужно постараться до конца представить, кто же такой Селин, а для этого придется немного углубиться в историю.

Селин (настоящее имя Луи Детуш) родился в пригороде Парижа 27 мая 1894 года. Его детство прошло в одном из парижских кварталов среди мелких торговцев, всю жизнь пытавшихся разбогатеть. Его мать содержала маленькую лавочку, в которой продавались старинные кружева и антиквариат, и была великой труженицей, безропотной и забитой, в то время как отец, скромный служащий страховой компании, постоянно «вопил» о несправедливостях судьбы, евреях, о бездушии технократической цивилизации и всего современного мира.

Будучи единственным сыном в семье, свое детство Селин провел в среде эгоистической и унылой, постоянно наблюдая дичайшие проявления социального неравенства. Чуть позже ему довелось участвовать в первых сражениях войны 1914—1918 годов, он стал свидетелем одной из самых великих исторических боен и вернулся с нее убежденным пацифистом, до конца своих дней сохранив и в своем теле (Селин был ранен. — *Прим. переводчика.*) и в душе отметины ужасов пережитой им трагедии. Несколько лет спустя, после длительного пребывания в Африке, где Селин столкнулся с нищетой туземцев и бесчинствами колонизаторов, он поступил на службу врачом в диспансер одного из парижских пригородов, где опять-таки вынужден был постоянно соприкасаться с болезнями и страданиями людей. Имея за плечами подобный опыт, мог ли Селин избежать увлечения коммунистическими идеями? В то время все обездоленное человечество верило, что пролетариат, придя к власти, воспользуется ею таким образом, что среди народов раз и навсегда установится мир, сила и оружие отступят, и будет наконец-то построено свободное и справедливое общество. К несчастью, судьба распорядилась иначе.

Испытывая потребность писать, Селин опубликовал в 1932 году в Париже роман «Путешествие на край ночи», который произвел большой

переполюх и даже, можно сказать, что-то вроде революции во французской литературе. Французские писатели-коммунисты поспешили причислить Селина к «своим», увидев в нем последователя Барбюса, тоже ветерана Первой мировой войны. Арагон, проникшись к писателю дружескими чувствами, обращался к нему в журнале «Коммюн»: «Когда настанет час неизбежного сражения, я надеюсь увидеть вас на стороне эксплуатируемых, а не эксплуататоров». Супруга Арагона Эльза Триоле перевела «Путешествие...» на русский язык, его исковерканная версия была опубликована в Москве в 1934 году с предисловием Ивана Анисимова, который увидел в книге «гигантскую фреску современной жизни» и «настоящую энциклопедию умирающего капитализма».

Книга вызвала большой резонанс, хотя среди интеллигенции мнения о ней полярно разделились. Так, на Первом съезде советских писателей, состоявшемся в Москве в 1934 году при участии Луи Арагона и Андре Мальро, Максим Горький заявил: «Герой этой книги, Бардамю, человек без родины; он презирает людей, называет свою мать «сучкой», а любовниц — шлюхами, он безразличен к любому преступлению и, не имея никаких данных «примкнуть» к революционному пролетариату, вполне созрел для принятия фашизма». (Здесь и далее цитаты из русских авторов переведены с французского текста. — *Прим. переводчика.*)

Наивысших похвал Селин удостоился от Льва Троцкого, который, после того как поприветствовал «зрелого мужа, искушенного в медицине и искусстве, наделенного абсолютным презрением к академизму и исключительным чутьем к жизни и языку», написал о нем в 1933 году из своей ссылки на Принкипо: «Селин такой, каким мы его знаем, происходит из французской реальности и французского романа. И ему не приходится за это краснеть. Французский гений нашел в романе свое несравненное выражение. Ведя свое начало от Рабле, который, кстати, тоже был врачом, за четыре века своего существования великолепная французская проза простерлась от жизнеутверждающего смеха до отчаяния и опустошения, от ослепительного рассвета до края ночи».

«Смерть в кредит», опубликованная в Париже в мае 1936 года, была довольно-таки холодно встречена французской критикой и еще хуже — советской. Почти все отмечали отталкивающий анархизм Селина, грубость некоторых его тем и его «презрение к человечеству».

Селин интересовался буквально всем, ему хотелось все увидеть и прочувствовать самому, поэтому в сентябре 1936 года он на короткое время приезжает в Ленинград, откуда возвращается с убеждением, что коллективизм может принести стране лишь несчастья и нищету. Тогда-то и был написан короткий и резкий антисоветский памфлет «*Mea culpa*» («Моя вина»), опубликованный издательством Деноэля в конце 1936 года. Так закончился медовый месяц между писателем и коммунистами, отныне он становится для них олицетворением «темных сил».

Селин ненавидел любые повторения, среди них — неизбежные пробуждения ненависти и насилия, сопровождающие все революции, так же как и периодически повторяющиеся войны между народами, между социальными классами, между людьми, которых он сам хотел бы видеть живущими в мире и согласии.

Селин обладал удивительным даром предчувствия катастроф, он инстинктивно чувствовал их приближение задолго до начала тридцатых годов. По своему темпераменту он не имел себе равных во французской литературе XX века и потому не мог спокойно наблюдать разыгрывающуюся в Европе трагедию, которая была лишь предвестником жесточайшей бойни, охватившей вскоре почти весь мир. Он был не в состоянии сдержаться и не выразить ту ненависть, которую испытывал к самой ненависти, в выражениях настолько резких и разрушающих общепринятые нормы, что это и сегодня сохраняет за ним репутацию писателя отверженного и проклятого, несмотря на прошедшие с тех пор десятилетия.

Селин был одинок и свободен, и в этом главный источник его силы, равно как одиночеству и свободе он обязан своей странной славой предвестника, провидца и революционера.

Без него французская литература, без сомнения, безмятежно продолжала бы шествовать своей дорогой, а французские писатели нынешнего века продолжали бы писать так, как это делали их отцы в прошлом веке.

Селин оказался способен продвинуть французский роман на сто лет вперед, создав произведения в высшей степени сильные, оригинальные и актуальные. Читая роман «Смерть в кредит», каждый сам может убедиться в том, что на книге, написанной почти полвека назад, до сих пор не появилось ни одной морщинки. Свежесть стиля, богатейший мир чувств и образов, юмора и нежности, что присутствуют на каждой странице книги, делают роман поразительно современным.

Мне хотелось бы, чтобы все русские читатели сумели оценить и полюбить эту книгу. Я также искренне надеюсь, что в ближайшее время будут переведены и напечатаны книги, написанные Селином после Второй мировой войны. Тогда читатель откроет для себя «Из замка в замок», «Север», «Ригодон» — восхитительную трилогию, созданную лишенным иллюзий человеком, который познал все человеческие беды, прошел войну, тюрьму, больницу, ссылку, одиночество и тоску, которого травили, как бешеную собаку, и который, смеясь надо всем этим, дает тем, кто его читает, не только урок превосходного стиля и юмора, но и впечатляющий урок гуманизма, жизненной силы и гениальности.

Франсуа Жибо

Париж, 18 июля 1993 года

Люсьену Декаву

Вставай! Бери свои штаны!
То коротки, а то длинные.
И куртку грубую!
Рубашку, скомканный берет.
Ботинкам этим сносу нет,
Носи до гроба их!..
Тюремная песня¹

Вот опять я один. Это так тяжело, так ужасно, так мучительно... Скоро я стану старым. И все это наконец закончится. Множество людей побывало здесь, в моей комнате. Они о чем-то говорили. Я даже не помню о чем. Их больше нет. Разбросанные по всему свету, они состарились, обрюзгли и опустились.

Вчера в восемь часов умерла мадам Беранж, консьержка. Из ночной темноты поднимается ураган. Здесь, на самом верху, мы чувствуем, как трясется дом. Она всегда была так добра, внимательна и преданна мне. Завтра ее хоронят на улице Соль. Ей было уже много лет, в самом деле, очень много. Я сказал ей в первый же день, когда она закашляла: «Ни в коем случае не ложитесь! Сидите в кровати!» Я опасался худшего. А потом... Стало совсем плохо...

Я ведь не постоянно занят этой дерьмовой медициной. Я напишу, что мадам Беранж умерла, тем, кто знал меня, кто знал ее. Где они?..

Я хотел бы, чтобы ураган становился все сильнее и сильнее, чтобы обвалилась крыша, чтобы весна больше не пришла, чтобы наш дом исчез.

Мадам Беранж знала, что все огорчения приходят вместе с письмами. Я даже не представляю, кому написать... Все эти люди далеко... Они уже совсем не те, они слишком забывчивы и непостоянны, им не до того...

¹ Селин не является автором песни. Это третий куплет одной из песен заключенных, собранных аббатом Крозе, бывшим исповедником тюрьмы «Гранд Рокетт» с 1860 по 1870 г. Песня посвящается новичкам, которые впервые надевают на себя тюремную робу

Бедная мадам Беранж, ее одноглазую собаку заберут, уведут...

Все горе, принесенное письмами, вот уже почти двадцать лет копилось у нее. Оно там, в запахе недавней смерти, в ее невыносимом остром привкусе... Горе вышло наружу... Оно там... Рыщет... Оно знает нас, теперь мы тоже знаем его. Оно не уйдет больше никогда. Надо погасить в комнате свет. Кому я буду писать? У меня больше никого нет. Никого, с кем я мог бы спокойно встретить благородный дух смерти... а потом спокойно поговорить... Ты один и надейся только на себя!

Под конец моя бедная старушка не могла даже говорить. Она задыхалась, хватала меня за руку... Вошел почтальон. Он видел, как она умирает. Легкая икота. Все. Когда-то многие заходили к ней спросить обо мне. Все они далеко, очень далеко, они растворились, разъехались в поисках счастья. Почтальон снял кепку. Я мог бы выразить свою ненависть прямо сейчас. Это я умею. Но всему свое время. А пока я буду рассказывать. И расскажу такое, что со всех концов света они приедут только для того, чтобы меня убить. Тогда с этим будет покончено, и я буду удовлетворен.

* * *

В больнице, где я работаю, при институте Линюси, у меня уже были неприятности из-за моих рассказов... Мой кузен Гюстен Сабайо категоричен: мне следовало бы изменить стиль. Он тоже врач, но на другом берегу Сены, в Шапель-Жонксьон. Вчера у меня не было времени сходить к нему. Я как раз хотел поговорить с ним о мадам Беранж. Но я немного опоздал. Консультировать — тяжелое ремесло. К вечеру он тоже устает. Почти все люди задают утомительные вопросы. Торопиться бесполезно, все равно им приходится повторять все предписания по двадцать раз. Им доставляет удовольствие мучить тебя, заставлять говорить... Они и не подумают следовать твоим советам. Но они подозревают, что ты недостаточно усердствуешь, и для большей уверенности требуют: банки, рентген, анализы... Чтобы их простукали сверху донизу... Чтобы все измерили... Артериальное давление и тупость... Гюстен занимается этим в Жонксьон уже тридцать лет. А я своих придурков в один пре-

красный день пошлю в Вилетт² пить теплую кровь. Надеюсь, это утомит их уже с самого утра. Я еще толком не знаю, что бы такое сделать, чтобы их отвадить...

Позавчера я наконец смог пойти навестить Гюстена. Его дыра в двадцати минутах ходьбы от моей, сразу же за Сеной. Погода была не очень. Все же я собрался. Я решил поехать на автобусе. Заканчиваю прием. Удираю через перевязочную. Но тут какая-то баба вцепляется в меня. Она растягивает слова, как и я. Это от усталости. У нее сильный голос, это уже от пьянства. Она ноет, тащит меня куда-то. «Доктор, идемте, я вас умоляю!.. Моя доченька, моя Алисочка!.. Это на улице Рансьен!.. В двух шагах!..» Я не обязан туда идти. В конце концов, я уже закончил прием!.. Она настаивает... Мы уже вышли. Мне осточертела эта херня... Я починил сегодня уже тридцать мудил... Не могу больше... Пусть они кашляют! Харкают кровью! Развалятся на части! Пусть их вывернет наизнанку! Пусть они улетят на собственных газах!.. Мне наплевать на это!.. Но плакальщица хватает меня, бесцеремонно вешается на шею, дышит на меня своим отчаянием. Оно здорово отдает «бормотухой»... У меня нет сил сопротивляться. Она не отстает от меня. Может быть, на улице Касс, длинной и без фонарей, я дам ей ногой под жопу и смоюсь... Все же я слизняк... Я уже сник... И снова начинается та же песня: «Моя доченька!.. Я вас умоляю, доктор!.. Моя Алисочка!.. Вы же знаете ее?..» Улица Рансьен не так уж близко... Ну и влип же я... Я знаю, где это. За кабельным заводом. Я слушаю ее как в тумане... «Мы получаем только восемьдесят три франка в неделю... а у нас трое детей!.. И мой муж так ужасно со мной обращается!.. И сказать стыдно, дорогой доктор!..»

Я знаю наизусть всю эту дребедень. Воняет сгнившим зерном, в ее дыхании клокочет мокрота...

Вот и конура...

Я вхожу. Наконец могу сесть... Малышка в очках.

Я располагаюсь у ее кровати. Она вяло играет с куклой. Я пытаюсь ее развлечь. Я могу быть забавным, если постараюсь... Соплячка не так уж плоха... Она тяжело дышит... Все ясно, это воспаление... Я смешу ее. Она задыхается. Я успокаиваю мать. Эта ко-

² Вилетт — район в окрестностях Парижа, где раньше находились городские бойни. Теперь там устроен большой парк.

рова хочет воспользоваться тем, что я попал в ее хлев, и тоже проконсультироваться. По поводу множества синяков на ляжках. Она задирает юбки: прожилки, как на мраморе, и даже глубокие ожоги. От кочерги. Вот каков ее безработный. Я даю совет... При помощи веревочки я заставляю ходить безобразную куклу... Она поднимается, опускается, доходит почти до дверной ручки... Все-таки это лучше, чем разговаривать.

Я слышу множество хрипов. В конце концов, это не так уж страшно... Я снова ее успокаиваю. Два раза повторяю одно и то же. Это начинает надоедать... Девочка уже смеется. И опять начинает задыхаться. Я пытаюсь помочь. Она синее... Может, это дифтерит? Надо бы посмотреть... Взять мазок?... Завтра!..

Приходит папаша. На свои восемьдесят три франка он может нажраться только сидром, на вино не хватает. «Я здорово пью. От этого хочется ссать!» — сообщает он мне сразу же. Пьет из горлышка. Показывает мне свой член... Мы пьем за то, что малыш не так уж плох. Меня больше интересует кукла... Я слишком устал, чтобы заниматься взрослыми и диагнозами. Все взрослые — настоящие сволочи! До завтра я не хочу видеть больше ни одного.

Мне плевать, что меня не принимают всерьез. Я пью еще за здоровье. Моя помощь бесплатна и к тому же сверхурочна. Мать опять напоминает мне о своих ляжках. Я даю последний совет. И спускаюсь по лестнице. По улице ковыляет маленькая собачонка. Она увязывается за мной. Сегодня ко мне все цепляются. Собачонка — крошечный фокс, черный с белым. Мне кажется, она потерялась. Эти наглые безработные меня даже не проводили. Уверен, что они уже начали драться. Слышны вопли. Пусть же он запихнет свою кочергу целиком ей в задницу! Чтобы образумить эту шлюху! Это ее отучит беспокоить меня!

Я иду налево... Точнее говоря, по направлению к Коломб. Собачонка бежит за мной... За Аньер находится Жонксон³, там мой кузен. Но собачонка сильно хромает. Она смотрит на меня. Не могу видеть, как она тащится. Пожалуй, лучше вернуться. Возвращаюсь через мост Бине и заводскую окраину. Больница еще не закрыта... Я говорю мадам Ортанз: «Покормим собачку. Пусть кто-нибудь купит мяса... Завтра позвоним... За ней приедут из

³ Коломб, Аньер, Жонксон — ближайшие пригороды Парижа.

„Общества защиты“. На ночь ее нужно запереть». И ухажу, успокоившись. Но собачонка оказалась очень пугливой. Ее, наверное, сильно били. Улица жестока. На следующий день, едва мы открыли окно, она не стала ждать, а выпрыгнула наружу, нас она тоже боялась. Она думала, что ее хотят наказать. Она ничего не понимала. И никому уже не верила. И это было ужасно.

* * *

Гюстен прекрасно меня понимает. Когда он голоден, от него можно услышать замечательные вещи. Ему доступен самый высокий стиль. Его мнению можно доверять. Он совершенно не завистлив. Он не требует от жизни слишком много. Когда-то он пережил разочарование в любви и не хочет с ним расставаться. Он говорит об этом очень редко. Это была легкомысленная женщина. Гюстен — исключительный человек. Он всегда остается верен себе.

А пока он пьет...

Сон для меня — мучение. Если бы я всегда хорошо спал, я никогда бы не написал ни строчки...

«Ты мог бы, — говорит Гюстен, — рассказать что-то приятное... иногда... В жизни не одна только грязь...» В определенном смысле это довольно верно. Мною владеет настоящая мания, я необъективен. А ведь было время, когда у меня постоянно гудело в ушах, когда меня лихорадило гораздо чаще, чем теперь, и я не был столь пессимистичен... Меня посещали прекраснейшие мечты... Моя секретарша мадам Витрув тоже делает мне замечания на этот счет. Она хорошо осведомлена о причинах моих страданий. Когда человек одарен, он невнимателен к своим шедеврам, способен их потерять. Я говорю себе: «Эта шлюха Витрув наверняка где-то их припрятала...» Настоящие жемчужины... куски Легенды⁴... просто бесподобные... Я настроен всерьез заняться ими... Для большей

⁴ Легенда — многочисленные документы указывают на то, что Селин в 1930-е гг. собирался написать, и даже начал, средневековый роман из народной жизни. Правда, романа не получилось, вместо него он начал писать легенду о короле Крогольде, которая так и не была завершена и опубликована. В самом начале работы над «Смертью в кредит» Селин пишет своему издателю Деноэлю: «Как только вернетесь, пришлите мне мою Легенду, она лежит у вас. Я хочу как-нибудь ее использовать».

уверенности я перерываю все свои бумаги... И ничего не нахожу... Я звоню Делюмелью⁵, моему агенту, и крою его, на чем свет стоит... Я хочу, чтобы он скрежетал зубами от злости... Чтоб он сдох! Ему на это наплевать! Он миллионер. Он мне советует взять отпуск... Наконец приходит моя Витрувиха. Я не доверяю ей. У меня для этого достаточно оснований. Куда ты девала мое гениальное произведение? — сразу нападаю я на нее. У меня есть по меньшей мере сотня причин подозревать ее...

Больница Линюси находилась около Порт Перейр. Она приходила туда почти ежедневно к концу приема и приносила мне то, что напечатала. Маленькое временное здание давно снесли. Мне там не нравилось. Все было расписано буквально по минутам. Линюси, крупный миллионер, создавший больницу, хотел, чтобы все лечились и выздоравливали бесплатно. Чертовы филантропы. Меня бы больше устроила работа в муниципальной больнице... Прививки... Справочки... Даже душ с ванной... В общем, лафа. Совсем другое дело. Но я не какая-нибудь важная птица, не франкмасон, даже не студент педагогического института и не умею как следует преподнести себя, я слишком много трахаюсь, к тому же у меня плохая репутация... Уже пятнадцать лет вся округа наблюдает, как я барахтаюсь: эти паршивые люмпены добились всяческих свобод и глубоко меня презирают. Еще счастье, что меня не выгнали. Я могу отвести душу только в литературе. Грех жаловаться. Мамаша Витрув печатает мои романы. Она ко мне привязалась. «Послушай, — говорю я ей, — дорогая мамуля, я последний раз повторяю! Если ты не найдешь мою Легенду, можешь считать, что нашей дружбе конец! Больше не будет трогательного сотрудничества!.. Ни кайфа!.. Ни выпивки!.. Конец всему!..»

Тут она раздражается жалобами. Она в равной мере отвратительна, эта Витрувиха, и как человек, и как работник. Просто наказание. Она села мне на шею еще в Англии. Я дал клятву. Мы знакомы с ней уже давно. В Лондоне ее дочь Анджела заставила меня поклясться, что я буду всегда помогать ей. Надо сказать, что я это делал. Я сдержал обещание. Я поклялся Анджеле. Это было еще во время войны. К тому же она многое умеет. Ладно. В общем-то, она не болтлива, только любит предаваться воспоминаниям... Ее

⁵ Делюмель — намек на Робера Деноэля, первого издателя Селина.

дочь Анджела была личностью. Глядя на ее мерзкую мамашу, в это трудно поверить. Анджела плохо кончила. Я расскажу все, если уж начал. У Анджелы была еще сестра, Софи-Лапша, она устроилась в Лондоне. А здесь жила ее племянница Мирей, такая же, как и все, — настоящая шлюха высокого класса.

Когда я переехал из Ранси в Порт Перейр, они обе последовали за мной. Теперь в Ранси все по-другому, уже нет ни крепостной стены, ни Бастиона⁶. Огромные черные развалины торчат из мягкой насыпи, как остатки гнилых зубов. И это не предел — город уничтожает свои старые десны. Через развалины, как ураган, проносится скорый поезд. Скоро везде будут только новые полунебо-полуземле-скребы. Вот увидите. Мы постоянно ругались с Витрувихой из-за перенесенных несчастий. Она все время пыталась доказать, что много страдала. Я этого не выношу. Но морщин у нее, конечно, больше, чем у меня! Бесчисленные морщины, отвратительные следы плотских наслаждений прошлых лет. «Наверное, это Мирей куда-то дела ваши бумаги!»

Я иду с ней, провожаю по набережной Миним. Они живут вместе около шоколадной фабрики Битронель, в так называемом отеле «Меридьен».

Их комната — невероятная груда хлама, разная дребедень, белье, все самое плохое и самое дешевое.

Мадам Витрув и ее племянница — обе потаскухи. У них есть три инъектора, куча разных приспособлений и резиновое биде. Все это размещается между двумя кроватями, и плюс огромный пульверизатор, прыскать из которого они так и не научились. Я не хочу сказать ничего плохого о Витрувихе. Возможно, она страдала в жизни гораздо больше меня. Это заставляет меня быть снисходительным. Иначе я вообще не дал бы ей спокойно жить. В глубине камина она прячет «ремингтон», так и не оплаченный до конца... Естественно... Я недорого плачу за печатание, всего шестьде-

⁶ Бастион — окружавшая Париж крепостная стена (в народе называвшаяся «укреплениями»), на которой было девяносто четыре бастиона. Ее начали разрушать в 1920 г. Это разрушение местами сопровождалось расширением границ города. Так на границе с Клиши в 1930 г. к Парижу были присоединены район бывших укреплений и кладбище Батиньоль («город уничтожает свои старые десны»). С тех пор Париж, ранее ограниченный Бульварами Маршалов, расширился до дороги Револьт.

сят пять сантимов страница. Но к концу эта сумма утраивается... Особенно, когда большой объем.

Что касается косоглазия Витрувихи, то я никогда не видел ничего подобного. На нее было страшно смотреть.

Когда она гадала, ее дикое косоглазие придавало ей значительность. Она сулила своим клиентам шелковые чулки... будущее... все в кредит. Впадая в безразличие или задумчивость, она водила глазами по картам, как настоящая лангуста.

Она приобрела влияние в округе только благодаря лотерее. Она знала всех рогносцев. Показывала мне их через окно, и даже троих убийц: «У меня есть доказательства!» Я подарил ей старый аппарат Лобри для измерения артериального давления и научил делать массаж при расширении вен. Это пополнило ее побочные доходы. Но подлинной ее страстью были аборт, от них она отказалась бы разве что ради участия в кровавой революции, о которой бы все говорили и писали в газетах.

Наблюдая, как она роется в своем барахле, я испытывал отвращение, которое невозможно передать. А тем временем во всем мире вполне приличные люди попадают под грузовики... От мамыши Витрув исходил острый запах. У рыжих это бывает. Я думаю, что рыжие чем-то схожи с животными, их скотство по-своему трагично и предопределено их мастью. Я полностью в этом убедился, выслушав ее откровения... У нее постоянно жгло в заднице, и поэтому ей было трудно получить удовлетворение. Во всяком случае, с пьяным мужчиной. Даже когда было очень темно, ей не везло! Мне было ее немного жаль. Я в области высоких чувств достиг гораздо большего. Ей же это казалось несправедливым. Но когда придет мой час, я смогу умереть, ни о чем не жалея. Всю жизнь я был на содержании у Красоты. Я трахал ее в задницу, и делал с ней что хотел... Я должен в этом исповедаться. Я познал абсолютно все.

У нее не было сбережений, а стоит ли говорить, как быстро улетучиваются деньги. Чтобы жрать и продолжать наслаждаться жизнью, ей нужно было веселить или хотя бы удивлять клиентов. Это был настоящий ад.

Как правило, после семи часов эти жирные твари возвращаются домой. Жены моют посуду, а самцы запутываются в радиоволнах. Тогда-то Витрувиха и оставляла мой очередной роман, чтобы заняться кое-чем поинтересней. То на одной, то на другой лестничной